

УДК 316.75

ИДЕОЛОГИЯ ПОЧВЕННОЧЕСТВА – ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Радугин

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Поступила в редакцию 30 марта 2010 г.

Аннотация: в статье раскрывается основное содержание понятия «почвенничество», показывается, что на основе идеологии почвенничества осуществляется легитимизация власти посредством ее сакрализации.

Ключевые слова: идеология, почвенничество, сакрализация, легитимизация, власть, Россия.

Abstract: in the article it is based the idea, that the ideological-value base of the state ideology of modern Russia is nationalist trend, it is revealed the basic content of content of concept nationalist trend, it is substantiated the position, that on the basis of this ideology is achieved the legitimization of authority of its sacralization.

Key words: ideology, nationalist trend, sacralization, legitimization, authority, Russia.

Российское общество и власть в последние десятилетия находятся в ситуации перманентного поиска своей самоидентичности. Радикальные социально-политические перемены, происходящие в российском обществе на рубеже XX–XXI вв., существенным образом изменили систему власти. Установленные в 90-е гг. формальные демократические институты, такие как институт выборов, политических партий, независимые от государства СМИ, принцип разделения властей и контроля за деятельностью органов государственной власти со стороны общества, не наполнялись в политической практике реальным демократическим содержанием, а сводились к имитации демократии и в результате этого привели к деструктивным явлениям: увеличению коррупции, власти олигархов, снижению эффективности работы органов государственной власти, стагнации экономики, обнищанию основной массы населения страны. Таким образом, можно констатировать, что идеология и практика государственной власти, базирующиеся на принципах либеральной демократии, в условиях России дают сбой и могут быть признаны неэффективными, поскольку они исходят из чужих, и более того, чуждых российскому менталитету культурных оснований. Некритическое копирование чужого опыта, попытка навязать российскому обществу образ власти без учета его собственных внутренних культурных традиций могут лишь привести к кризисному состоянию. В общественном сознании, в том числе и в правящей элите, растет понимание того, что привнесенные с Запада либерально-демо-

кратические формы властных отношений не могут быть реализованы в России в своем изначально задуманном виде.

При этом важно, что в отличие от культуры западного общества политическая культура России имеет ценностно-рациональную основу. Как в прошлой истории России, так и сейчас во взаимодействии общества и власти актуализируются потребности общества, сущность которых состоит в том, что власть должна исполнять роль, соответствующую общественным ожиданиям, т.е. власть воспринимается не только как регулятор социального порядка и экономического положения, ее функции оцениваются далеко выходящими за пределы материальных критериев. В российском менталитете власть воспринимается как духовно-организующий нацию феномен. Одной из основополагающих потребностей, заложенной в культуре российского общества, является потребность в смыслообразующей цели, которая в общественном сознании понимается как потребность в общенациональной цели, а на индивидуальном уровне осмысливается как цель или смысл жизни: ради чего стоит бороться или хотя бы просто жить. Эта потребность в смыслообразующей цели довлеет над обществом, формируя социальный запрос к власти. Нация ожидает от власти выработки ценностных перспектив развития общества. Иными словами, от власти в России ожидают разработки идеологии, которая интегрировала бы общество в нацию, сформировала бы идейно-ценностную «скрепу» посредством постановки единой, общенациональной цели. Поэтому актуальной становится задача формирования приемлемой идеологии, на базе которой возможно осуществление легитимизации власти.

Уточним, какой смысл мы вкладываем в понятие «идеология». Идеология – это разновидность ценностного сознания. Основное содержание идеологии составляют идеи, выражающие ценностное отношение субъекта к окружающей действительности. В отличие от научно-теоретического сознания этот тип сознания носит духовно-практический характер. Идеология формирует социальные ценности и общественные идеалы, на завоевание которых и воплощение их в жизнь должны быть направлены усилия людей. С этой точки зрения идеология – совокупность идей, ценностей и идеалов, выражающих определенную общественную цель, которая, овладев массами и организовав их, превращается в мощную материальную силу, способную как разрушить прогнившие общественные порядки, так и закрепить новые. В стабильных социальных системах идеология выполняет функцию идейно-ценностной «скрепы» общества и власти, консолидируя общество вокруг власти.

Выполнение этой консолидирующей функции осуществляется в идеологическом процессе как определенном целостном компоненте надстройочной системы общества. Идеологическим процессом называется весь процесс возникновения, развития ценностно-идейных образований, пропаганды и внедрения их в сознание масс. Идеологический процесс включает в себя ряд качественно различных элементов, имеющих определенное содержание и предназначение (функцию): субъект разработки ценностно-идейных образований, процесс ее распространения, объект

воздействия, механизмы регуляции и обратной связи между субъектом и объектом и т.д.

Первое звено идеологического процесса – идейно-теоретическая деятельность: выработка различных идейных образований, теорий, норм, ценностей, идеалов и директив действия – осуществляется на основе социального отражения и носит ярко выраженный нормативно-ценностный характер. Результатом этого этапа является специфическое отражение общественного бытия, вместе с тем непосредственное или опосредованное выражение потребностей, интересов, отношений различных социальных групп.

Второе звено – пропагандистско-практическая деятельность: процесс распространения и внедрения идеологических идейных образований – приводится в действие через систему различных средств, форм и методов воздействия на объект идеологического процесса. В результате происходит усвоение идейных преобразований, идеологических установок и программ действия.

Третье звено – управление функционированием идеологического процесса, т.е. осуществление целенаправленной организационной деятельности субъектом идеологического процесса, направленной на объект управления с целью превращения идеологии в реальную силу общественной жизни.

На протяжении многих веков идеология выполняла в России функцию идейно-ценностной «скрепы» общества и государства в форме государственной идеологии. Государственная власть обеспечивала все этапы идеологического процесса. Так было в период царского самодержавия, так было и при Советской власти. В российской истории в качестве консолидирующего начала общества и государства служила известная идеологическая формула «самодержавие, православие, народность», в советский период – хорошо отработанная и привлекательная для широких народных масс коммунистическая идеология. Государственная идеология советского общества, обеспечивавшая руководящую роль в государстве и обществе коммунистической партии и ее правящей элиты – «номенклатуры», пронизывала деятельность государственных структур, экономики, права, культуры, науки, образования, средств массовой информации и коммуникации и даже межличностных отношений. Происшедшие в начале 90-х гг. XX в. коренные изменения социально-политической и экономической ситуации в России, связанные с распадом СССР, упразднением руководящей роли КПСС, переходом на принципы демократии и рыночных отношений, поставили проблему отношения к идеологии. Новая правящая элита, борясь против влияния коммунистической идеологии, выдвинула концепцию деидеологизации общества. В рамках этой концепции, существовавшей в прошлом, диктатуре коммунистической идеологии была противопоставлена ориентация на гуманизацию общественной жизни в России. Гуманизация общественной жизни должна была означать для нашей страны коренную переориентацию ценностных установок, нормативных регуляторов практической политики. Во

главу угла их отныне должны были быть поставлены не интересы какой-то партии, общественного движения, социального слоя или государства в целом, а интересы каждого конкретного человека, личности. Личность должна быть в центре всей жизнедеятельности общества, быть субъектом и объектом общественного развития.

Однако гуманизм как мировоззрение, базирующееся на общественных ценностях, не может быть основной государственной идеологией, тем более государственной идеологией капиталистического общества. Реально в течение последних пятнадцати – двадцати лет в российской общественной жизни образовался идеологический вакуум. Этот вакуум помимо прочих причин способствует рассогласованию общества и государства и развитию кризисных явлений общественной жизни.

Попыткой заполнить этот вакуум стал поиск в середине 90-х гг. новой формы государственной идеологии. Эту идеологию пытались создать на основе обращения к этнической ментальности – возрождению так называемой «русской идеи» с элементами авторитаризма и ведущей роли в общественной жизни православия. Однако эти попытки в 90-х гг. не привели ни к каким практическим результатам.

Параллельно с концепцией «русской идеи» правящей элитой России предпринимались попытки консолидировать общество на базе либеральной идеологии. Но эти попытки носили разрозненный, не очень целенаправленный характер. Правящая элита в силу определенных обстоятельств долгое время могла позволить себе пренебрегать общественным мнением и не вкладывать необходимых средств и сил для организации всех звеньев идеологического процесса. Однако устойчивое отрицательное общественное мнение против богатеев, уверенность в криминальном происхождении их богатств, паразитическом образе жизни, пренебрежении интересами своей страны с ориентацией на Запад создают серьезные трудности с легитимизацией их капиталов и в конечном счете препятствуют инвестиционной деятельности в России, а значит, и развитию ее экономики. Поэтому задача формирования приемлемой идеологии и организации других элементов идеологического процесса становится для правящей элиты все более актуальной и в начале XXI в. начинает решаться в более системной форме. В разработку государственной идеологии активно включилась кремлевская администрация. Отмечая всю серьезность сложившейся ситуации в сфере идеологии и необходимость коренного пересмотра сложившихся установок, заместитель руководителя Администрации Президента РФ В. Сурков писал: «Необходимо понять, что такими пустяковыми словечками, как “модернизация”, “диверсификация”, драматизм стоящих перед нацией задач не описать. Нам не нужна модернизация. *Нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы*» [1]. По мнению кремлевского идеолога, «новый демократический порядок происходит из европейской цивилизации. Но при этом из весьма специфической российской ее версии. Он жизнеспособен в той мере, в какой естественен, то есть национален. Чтобы понять, как будет развиваться демократия в Рос-

сии, какая ее модификация применима здесь на практике, нужно определить архетипические, неотменяемые свойства русской политической культуры. Политическая же культура – это одно из проявлений культуры как таковой, в широком и высоком смысле. Стереотипы современной политики воспроизводятся с уникальной матрицы национального образа жизни, характера, мировоззрения. Для людей и их сообществ *культура – это судьба. А судьба может складываться по-разному*. И от нее, как известно, не уйдешь. Нужно использовать шансы и преимущества, которые она дает. Можно спорить с ней, влиять на нее, добиваться изменений. Но при этом нельзя игнорировать налагаемые ей запреты и ограничения» [1].

Таким образом, на современном этапе развития идеологического процесса попытки выработать государственную идеологию современной России привели к формированию идеологии православного почвенничества.

Цель данной статьи – показать, что идеология православного почвенничества служит для правящей элиты инструментом легитимизации власти на основе ее сакрализации.

Какой смысл мы вкладываем в понятие «идеология православного почвенничества»? Прежде всего, это идеология *почвенничества*. Почвенничество, как известно, – широкое и очень разноликое течение в философской и общественно-политической жизни России. Идейно-теоретическую основу почвенничества заложили в 40–50-х гг. XIX в. ранние славянофилы А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, И. В. Кириевский. В 80–90-х гг. XIX в. сформировалось идейно-теоретическое течение с самоназванием «почвенники». Почвенники (Ап. Григорьев, Н. Н. Страхов, Ф. М. Достоевский, П. М. Достоевский) и близкие к ним идеологи позднего славянофильства (Н. Данилевский, К. Леонтьев, В. Розанов) отстаивали принципы органического развития и заявили о себе как о преемниках славянофилов. Мыслители этого направления ставили вопрос о социальной гармонии в условиях быстрых социально-культурных преобразований и усматривали основу сохранения целостности общественного организма в опоре на национальную традицию. Они стремились понять первоформу русской жизни и действовать не вопреки, а заодно с ней. Их объединяло убеждение в том, что нельзя навязывать жизни отвлеченные принципы, надо вникнуть в тот идеал, который растворен в народном быте, религиозных верованиях, в традиционных формах общения и культуры, постараться понять его и способствовать тому, чтобы он полностью раскрылся в истории, обрел зрелые, классические формы.

После Октябрьской революции идеология почвенничества развивалась на основе концепции евразийства. В Советском Союзе идеологами почвенничества считались так называемые «писатели-деревенщики» (Владимир Солоухин, Василий Белов и др.), объединившиеся в 70–80-х гг. вокруг редакций журналов «Наш современник», «Молодая гвардия» и, в меньшей степени, журнала «Москва», где вырабатывались все будущие рецепты патриотической идеологии. Помимо «деревенщиков» в этот круг входили также «писатели-фронтовики», в частности Юрий Бондарев. Ветераны

почвенничества, действующие сегодня, – Станислав Куняев, Владимир Бондаренко, Валентин Распутин.

В современном почвенничестве можно выделить два направления: секулярное и религиозное. Из секулярных почвенников необходимо выделить Александра Солженицына, Игоря Шефаревича, Георгия Гачева, Юрия Бородаю, Александра Панарина, Сергея Кара-Мурзу, Валентину Чеснокову. В рамках данного направления православию отводится важная, но не определяющая роль в строительстве будущей национальной государственности. Потенциал национального спасения заключается в особенностях русского «ментального кода» (нестяжательство, самопожертвование, коллективизм, сакрализация государственной власти).

Православное направление в почвенничестве представляют как деятели церкви, так и миряне. Среди деятелей церкви, активно участвовавших в разработке и обосновании этой идеологии, следует выделить архиепископа Серафима (Николай Борисович Соболев), протоиерея Всеволода Чаплина, протодьякона Андрея Кураева, среди мирян – Сергея Матвейчука и Михаила Назарова. В рамках данного направления возвращение государства к нормам жизни по православию рассматривается как необходимое условие политического и культурного выживания нации. Сторонники этого направления вкладывают в понятие «почва» не просто любовь к родной «почве» (т.е. географическую, бытовую, кровно-племенную привязанность), а установку на приоритет национально-православного мировоззрения, неразрывно связанного с церковным учением, т.е. понятие «традиционной тысячелетней русской духовной “почвы”» [2].

Это общее и довольно произвольное описание сторонников идеологии почвенничества. Есть еще большая группа сторонников данной идеологии, которая разрабатывает ее идейно-теоретическую базу в ходе научно-теоретической деятельности: в монографиях, диссертациях по гуманитарным дисциплинам, а также в процессе своей служебно-профессиональной деятельности. В последнем случае следует назвать главного идеолога современной правящей элиты – заместителя руководителя Администрации Президента РФ В. Суркова. Наиболее развернутая версия идеологии почвенничества представлена им в лекции, прочитанной 8 июня 2007 г. в здании Президиума РАН.

Разработчики идеологии почвенничества считают, что политическую культуру общества определяют исключительно культурные компоненты. В культуре тематизируются глубоко укоренившиеся и передаваемые из поколения в поколение типы мышления, восприятия мира, поведения, которые определяют идентичность и политическую жизнь того или иного общества. Влияние же политических институтов, социально-экономических, социально-психологических и других факторов носит вторичный характер. Национальную культуру, по их мнению, следует рассматривать как программу, задающую определенную систему отношений ко всем явлениям общественной жизни, в том числе и к власти.

Разработчики идеологии почвенничества как современной государственной идеологии стремятся опереться на социокультурную и социопси-

хологическую базу русского народа, уходящую корнями в его конкретную историю. По их мнению, реформы в России дадут положительный результат, будут успешными, если они будут опираться на национальную политическую культуру. По словам В. Суркова, «культура – это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами. Так и будем россиянами. Будем учитывать проблематику и будем использовать преимущества нашего национального характера и нашей политической культуры для создания конкурентоспособной экономики и жизнеспособной демократии. *За пределами собственной культуры будущего у России нет. Российская демократия не обноска с чужого плеча. Формирующая демократию воля к свободе и справедливости вырабатывается и закрепляется как природное свойство национального характера*» [1].

Опираясь на специфические особенности политического менталитета россиян, православное почвенничество стремится осуществить легитимизацию власти на основе ее сакрализации. Уточним, какой смысл в данном контексте вкладывается нами в понятие «сакрализация».

Традиционно понятие «сакральное» трактуется как священное, святое, посвященное божеству, относящееся к области религии. При использовании в анализе политической сферы, в силу того, что такое исследование учитывает рациональные и иррациональные аспекты взаимодействия политических субъектов, это понятие приобретает несколько иной смысл. Сакральное – это также нечто тайное, запретное, связанное с готовностью подчиниться, наделяемое нравственным совершенством, противопоставленное профанному. В этом случае понимание сакрализации как обожествления отходит на второй план: «сакральное» по отношению к власти определяется, прежде всего, как наличие ряда свойств, которые покоятся на незыблемом убеждении в том, что некоторые группы или категории людей, а также социальные институты действительно обладают сверхъестественными и сверхэффективными знаниями и средствами воздействия на людей. Сакральными в такой системе восприятия выступают человек, институты, через которые высшие силы, являющиеся высшими для конкретного человека, возникают и действуют на человеческое общество. То есть, по существу, сакральный властитель, сакральные институты – это проводники между миром людей и высшими сакральными силами. Отсюда следует, что сакральная власть – это такая власть, которая легитимизируется, прежде всего, посредством апелляции к сверхъестественному и через нее, сверхъестественное имеет как бы выход в этот мир, и в то же время человек, соприкасаясь с сакральными носителями власти, будь то институт или властители, как бы соприкасается с этим высшим миром, который можно назвать миром богов, божеств.

Саму сакрализацию, по нашему мнению, следует рассматривать в качестве инструмента манипулятивного воздействия на массы для достижения конкретных политических целей. В современном информационном обществе, когда в политическом пространстве решающую роль играет не конкуренция программ, а борьба образов и политических имиджей, сакрализация способна повысить свою эффективность за счет использо-

вания новых возможностей в сфере информационно-коммуникационных технологий. Политическая функциональность сакральности проявляется, прежде всего, в том, что она является, на наш взгляд, одним из самых простых и эффективных источников властной легитимности, повышая тем самым эффективность деятельности своих носителей институционального и персонализированного уровней. Элементы сакрального играют существенную роль в формировании символической составляющей институциональных и персональных политических имиджей и контримиджей, усиливают аксиоматичность их восприятия населением, снижают критичность и рациональность их осмысления.

Одна из важнейших задач государственной идеологии – сформировать в общественном сознании привлекательный для широких слоев населения образ власти. Образ власти – это система представлений общества о власти, основополагающими аспектами которой являются представления об источнике, векторе, ее роли и предназначении, а также об основных ценностных основаниях. Базовые аспекты образа власти взаимосвязаны и переплетены между собой посредством внутренней логики человеческого мышления, поэтому они представляют собой определенную целостность в рамках господствующей социокультурной системы. Истоки российской политической культуры, по мнению философов, историков и культурологов, берут свое начало в византийской религиозной традиции, где существовало представление о некоем универсальном, иерархическом порядке, в котором отдельный индивид был включен в коллектив. Монарх рассматривался как божий помазанник, призванный защищать «правильное» православное христианство и народ.

Для российского менталитета, сформировавшегося на основе византийской религиозной традиции, характерны ценности персонифицированного общества. Ценности персонифицированного общества призваны воплощать фигура правителя, поэтому отблеск сакральности лежит непосредственно на личности главы государства. Ю. С. Пивоваров справедливо считает, что в России, где господствует «самодержавная политическая культура», слово «Власть» пишется с большой буквы. Она главное действующее лицо исторического процесса, в ходе которого лишь меняет свои наименования – царь, император, генсек, президент [3]. Важно также подчеркнуть, что эта власть всегда персонифицирована, т.е. предполагает определенного носителя в отличие от Запада, где власть отделена от правителя и не является его личной прерогативой. Заглавная буква в слове «Власть», которую отметил Ю. С. Пивоваров, свидетельствует о налете сакральности, присущем восприятию власти в России. Первичной, основополагающей ценностью, с точки зрения идеологов почвенничества, является сильная власть, которую может ограничить только воля божья, а не какие-то законодательные системы «сдержек и противовесов». Образ сильной власти оказывает определяющее влияние на другие характеристики и означает: всё, что способствует укреплению власти, является полезным, что ослабляет ее – вредным. По мнению архиепископа Серафима (Николая Борисовича Соболева), источник силы

власти в единении правителя, царя с народом: жизненное общение с верноподданными, изучение нужд, потребностей и интересов народа, соединенное со стремлением к удовлетворению их по воле и при помощи Божией, единение в истинной вере и молитвенном общении с Богом есть животворный источник государственной силы. Для общества, народа это означает нравственный императив солидарности с властью, а не противостояние ей [4]. С этой точки зрения, оппозиция – это безнравственная позиция.

С архиепископом Серафимом солидарен заместитель председателя по делам внешних церковных связей Московского патриархата протоирей Всеволод Чаплин. С точки зрения Всеволода Чаплина, принцип единства народа и власти лежит в основе базового отношения к власти в России. «В русской политической культуре есть одна очень важная составляющая, которая в некотором смысле отличает ее от пока еще доминирующей в мире западной культуры и сближает с некоторыми другими политическими культурами: идеал единства народа и власти, единого народа и единой власти. Разделение на партии, коммерческая и политическая конкуренция и даже разделение властей в каком-то смысле для нашей политической культуры, как я считаю, является достаточно чуждым. Можно сказать, что идея балансирования расходящихся интересов через их столкновение и через их взаимоисключающее подчеркивание, сама идея конкуренции, как двигателя прогресса, свойственная не для большинства политических культур мира, а максимум для десяти процентов населения планеты» [5].

Разработчики (адепты) идеологии православного почвенничества подчеркивают единство народа и власти как несомненную социокультурную ценность российской политической культуры, которой не следует стесняться, а наоборот, надо гордиться. Выступление Всеволода Чаплина на Международной конференции «Русская политическая культура и формирование политических культур стран Евразии» в рамках Летнего интеллектуального Форума (Волынское, 30 июня 2006 г.) так и было озаглавлено «Россия не должна стесняться своей политической культуры». В. Сурков также считает, что «нам не нужно стесняться своей политической культуры. Нам не нужно бояться декларировать какие-то вещи, даже если они не совпадают с уходящей политической культурой, доминирующей из единого центра. При этом, конечно, никто не должен утверждать, что в нашем обществе или в любом обществе нет равнодействующих интересов, но у нас есть своя система гармонизации этих интересов. Мы говорим не о противостоянии, а именно о гармонизации, о том, что, в отличие от западной культуры, мы не стремимся к вечному столкновению, а стремимся к примирению на основе консенсуса, когда общество вместе с властью могут сказать себе и друг другу: мы отставляем в сторону наши интересы ради того, чтобы служить более высоким идеалам и ценностям национального уровня и планетарного уровня. Мне кажется, что это ощущение важности единства единого народа и единой власти, это то, что до сих пор абсолютно ясно присутствует в

культуре всех народов, которые составляют историческую Россию и которые сегодня живут в новых государствах, возникших на месте Советского Союза» [1].

Главная цель разработчиков современной формы государственной идеологии состоит в обосновании идеологии так называемой «суверенной демократии», базирующейся, по их мнению, на особенностях русских культурно-политических традиций, главной составляющей которых является стремление к политической целостности, сильная персонифицированная и централизованная власть, идеализация целей и мессианизм. Эта «демократия» специфична и значительно отличается от либеральной западной модели, основанной на верховенстве закона, защите интересов личности, плюрализме мнений, контроле действий органов государственной власти и активном политическом участии граждан.

Стремление к политической целостности и централизованной власти интерпретируется в идеологии православного почвенничества как традиционная для российского общества сакрализация власти, где за основу государственности принимается личность главы государства, доминирующая в политическом процессе и отечески заботящаяся о благосостоянии всего народа. При этом монарх, генеральный секретарь или президент вырабатывает какую-то одну, считающуюся единственно правильной политическую линию, которая способна вывести общество из кризисного состояния и указать дорогу в светлое будущее. Всякие альтернативы рассматриваются скорее как дестабилизирующее начало в политике, как своего рода ересь, расставляющая препятствия на пути к цели. Политическая целостность выражается в русской соборной психологии, примате целого над частным, собирания над разделением.

Под тезисом о персонификации политики подразумевается то, что политическая культура России была традиционно персонифицирована. Персоны играли ведущую роль, политические же институты, напротив, – подчиненную роль. Процесс правления происходил скорее через личные связи и неформальные договоренности, по принципу патрон – клиент. Доверие к правовым институтам было и остается довольно низким.

Персонификация политики касается не только главы государства, но и всех других политических структур. По мнению В. Суркова, «личность политика в России и есть институт», однако это является «не проблемой, а свойством». Иными словами, с таким положением дел нужно не бороться, а смириться и разработать механизмы, при которых такая традиционная модель могла бы быть жизнеспособной.

Идеализация целей и мессианизм. «Идеализм – главное, что до сих пор поднимало и, видимо, будет поднимать русский мир на новые орбиты развития». Он «создает ощущение если не исключительности, то особенности, непохожести на соседей. Идеализму свойственно желание обращаться в свою веру, мессианство. Третий Рим и Третий Интернационал были мессианскими концепциями», – утверждает В. Сурков [1].

С точки зрения В. Суркова, «концепция суверенной демократии наилучшим образом соответствует основам русской политической культуры. Потому что:

1. Она оправдывает *централизацию*, концентрацию властных, интеллектуальных и материальных ресурсов нации в целях самосохранения и успешного развития каждого в России и России в мире. Она синтезирует, собирает, соединяет идеи и понятия, противопоставляемые в повседневных политических диспутах. Свобода и справедливость, права и обязанности, конкуренция и кооперация, индивидуальное и национальное, глобализация и суверенитет – совместимы и достижимы без разделения.

2. Суверен-демократический проект предусматривает изменение социальной системы, придание российскому обществу большей гибкости, динамичности, восприимчивости к позитивным переменам. Смягчение политической структуры позволит ей развиваться не рывками и скачками, как прежде, а путем, если так можно выразиться, топологических преобразований, т.е. без разрывов и потерь. Без ущерба для *целостности* российской нации.

3. Текст о суверенной демократии *персонифицирован*, поскольку интерпретирует курс Президента Путина.

4. И, наконец, предсказывая России и миру гармоничное будущее, встречая скепсис и недоумение, эта концепция представляется весьма *идеалистической*, может быть, даже утопической.

Какой же прок от утопии? Где здесь прибыль? Уточню, понимаю под утопией не то, чего нет и быть не может, а то, чего нет, но что желательно и в принципе возможно. В одном официальном американском документе есть такой девиз: наши цели идеалистичны, средства реалистичны. Разница потенциалов действительного и желательного, реального и идеального, по-моему, как раз и создает то напряжение человеческих сил, в результате которого возникают и развиваются культура и цивилизация» [1].

По нашему мнению, попытки создания государственной идеологии в нашей стране на современном этапе ее развития не реальны. Идеология – это не только идейно-ценностная «скрепа» общества, но и функциональное свойство общественного сознания в концептуально-систематизированной форме односторонне, социально заинтересованно отражать общественное бытие с позиций интересов тех или иных социальных групп и выражать эти интересы посредством определенных социальных институтов (партий, церкви, государства и т.д.). В современном обществе, базирующемся на принципах демократии и рынка, в условиях многопартийной системы и складывающихся других элементов гражданского общества естественной формой существования идеологии является *идеологический плюрализм*. Попытка представить любую разновидность идеологии в качестве государственной идеологии лишь означает, что та или иная *социальная группа стремится представить свои частные интересы в качестве всеобщих интересов*.

Сакрализацию следует квалифицировать как превращенный инструмент легитимизации власти. Целью политической сакрализации чаще всего является формирование определенного политического имиджа объекта сакрализации, будь то политический лидер, партия или институт, явление, посредством придания объекту ряда свойств, специфических характеристик, относящихся в той или иной степени к сфере сакрального и рассчитанных на благоприятную реакцию, положительное восприятие массовым сознанием. Именно это делает сакрализацию востребованной политическими субъектами и достаточно актуальной: сакрализация, таким образом, выступает в качестве механизма, способствующего повышению легитимности власти, в первую очередь – в сознании масс, общества.

Последствия такого применения сакрального противоречивы. С одной стороны, они способствуют стабилизации общественных отношений, формируют предпосылки для единой политической идентификации граждан, для создания единого ценностного социокультурного основания и общенациональной идеологии, снижают уровень конфликтности в обществе, повышают социальный оптимизм и веру граждан в перспективное собственное и общенациональное будущее. С другой стороны, сакральное восприятие власти на основе веры в ее безграничные возможности не способствует рефлексивному пониманию политики, формированию активистской политической культуры, не стимулирует развитие институтов гражданского общества, не создает условия для проявления социальной инициативы и творчества.

Литература

1. Сурков В. Русская политическая культура : взгляд из утопии. URL: <http://www.kreml.org/topics/119754704>
2. Матвейчук С. Е. Идентификация национального мировоззрения российской политической элиты / С. Е. Матвейчук // Право и безопасность. – 2004. – № 2(11). – С. 18.
3. Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика / Ю. С. Пивоваров // Полис. – 2006. – № 1. – С. 16.
4. Соболев Н. Б. (арх. Серафим). Русская идеология / Н. Б. Соболев. – М., 2000. – С. 7.
5. Чаплин В. Россия не должна стесняться своей политической культуры : выступление на Междунар. конф. «Русская политическая культура и формирование политических культур стран Евразии» в рамках Летнего интеллектуального Форума (Вольинское, 30 июня 2006 г.). URL: <http://www.kreml.org/opinions/1222522845>

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

*Радугин А. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и истории
Тел.: (4732) 23-39-66*

Architectural-Constructing University of Voronezh

*Radugin A. A., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Philosophy, Sociological and History Department
Tel.: (4732) 23-39-66*